

Илья Ткаченко

Гар-Аша.

Камень Безмолвия.

Илья Ткаченко

Гар-Аша. Камень Безмолвия

«Автор»

2026

Ткаченко И. С.

Гар-Аша. Камень Безмолвия / И. С. Ткаченко — «Автор», 2026

Орхан Гаранин, бывший детектив, ищет забвения на мёртвой планете Гар-Аша. Хирона Ламира, врач из древнего рода, бежит от чужих ожиданий. Их случайная встреча пробуждает Ашар — легендарную ментальную связь, дарующую двоим единое дыхание. Пока они строят дом, двое учёных — химик Кейрон и биолог Алайя — пытаются раскрыть тайну трёхсотлетней давности: почему любовь между людьми и разумными гепардами не может дать плодов. Ответ изменит всё. Но сначала нужно выжить. Гар-Аша, Камень Безмолвия, не прощает ошибок. Первый роман трилогии, сплавляющей научную фантастику с глубокой психологической драмой.

© Ткаченко И. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек, бегущий отсебя	5
Глава 2. Бегущий к себе гепард	8
Глава 3. Химик, боящийся химии	10
Глава 4. Хранительница уставшаяхранить	12
Глава 5. Город, где даже грезам нужна медкомиссия	14
Глава 6. Две кружки, один взгляд	16
Глава 7. Взгляд Ареса во мгле	18
Глава8. Звезды порой ближе, чем кажутся	20
Глава 9. О чём поют сопла ракет?	23
Глава 10. Точка опоры не там, где ты ищешь	25
Глава 11. Искра во мгле	29
Глава 12. Дом, которого не может быть на карте	32
Глава 13. Пункт назначения - это не "где"	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Илья Ткаченко

Гар-Аша. Камень Безмолвия

Глава 1. Человек, бегущий отсебя

Орхан вышел из участка, и вечер мягко лёг ему на плечи — тёплый, как ладонь матери, которая вскоре станет такой далёкой.

Он устало придержал закрывающуюся дверь, что жалобно скрипнула для него в последний раз. Орхан не хотел возвращаться домой, но заставил себя.

Дом — слишком громкое слово для бетонной коробки, где на стене вместо картин только разводы от моющего средства, а из окна не видно ни одного дерева. Орхан спал там ровно столько, сколько нужно мёртвому, чтобы не разложиться. Остальное время он работал. Просто потому что надо. За годы службы Орхан насмотрелся на многое из того, что стоило бы забыть. Но он помнил.

Сегодня он отправил последний отчёт и подписал бумагу, которая перечеркнула его прошлое. Пять лет академии, годы работы патрульным, даже звание детектива — всё это уже находилось за закрытой дверью и закончилось росчерком на белом листе.

Орхан сдал оружие — холодный металл, который столько лет служил ему безмолвным напарником и которому он доверял порой больше, чем людям. Впереди — Центр Подготовки. Через трое суток — красная пыль Гар-Аша.

Орхан шёл по Ранлам с его широкими, как реки, улицами. Но вместо воды по ним текли толпы людей и гепардов. Его окружал нескончаемый шум различных голосов. Взор не успевал запоминать лица и морды, мелькавшие перед ним. Глаза полицейского по привычке всматривались в этот поток, однако Орхан понимал, что видит это всё в последний раз. Совсем скоро он сможет любоваться только на металл Купола и завихрения ветра, которого даже не сможет ощутить на своей коже.

Ранлам — один из тысяч городов, но единственный в своем роде. Ран — значит твердый, нерушимый, как камень, лам — единый, связный. За многие поколения город стал не только столицей Лархан, но и символом Межвидовой Хартии, так как объединил два разумных вида под одним общим небом Ханра.

Бар «Коготь и Кружка» стоял в переулке, где время будто остановилось ещё в первые годы после подписания Хартии. Внутри пахло жареным мясом и травами — ароматы сплетались, пробуждая аппетит.

Хозяин, старый гепард с седой мордой, кивнул Орхану в приветствии. Не спросил, что тот будет пить. Знал. Хорошему бармену достаточно взглянуть в глаза человека, чтобы узнать, что ему предложить.

Орхан заметил столик в углу подальше от посторонних глаз — внимания он сейчас хотел меньше всего. Он положил на стол планшет — тот на секунду выхватил его лицо из полумрака яркой подсветкой. Орхан торопливо убавил яркость и глазами пробежался по именам тех, кто составит ему компанию на ближайшие месяцы. Список колонистов оказался длинным, словно прощальная речь.

— Гаранин.

Орхан поднял глаза, услышав своё родовое имя. Только один мог так бесцеремонно окликнуть его.

Ниран — напарник и друг Орхана. Гепард с выцветшей шерстью и шрамом на ухе — единственным заметным на его теле. Он давал весьма скудное представление о тех шрамах,

что таились в душе Нирана. Орхан знал далеко не о всех, но и того хватало с лихвой, чтобы не задавать другу неприятных вопросов.

— Садись.

Ниран сел на кресло напротив, немного ссутулившись — одна из характерных особенностей гепарда сознательного, *Asinopux Conscius*. Скелет был сильно изменён генетическими правками — так, чтобы разум не оказался заперт в теле дикого зверя.

Хозяин принёс две кружки Хан-Рока — напитка, подходящего как людям, так и гепардом. Он был безопасен для гепардов из-за низкого содержания алкоголя, что компенсировалось расслабляющим эффектом от целого букета экстрактов и отваров различных трав, входящими в его состав. Ниран заглянул в кружку, вдыхая чарующий аромат.

— Значит, летишь, — сказал Ниран. Это был не вопрос. Это был приговор.

— Лечу, — ответил Орхан, отпив из холодной кружки. Хан-Рок почти обжигал горечью, на смену которой приходила лёгкая сладость.

— На Гар-Аша. Добровольно? — гепард приподнял бы бровь, если бы мог, но вместо этого лишь повёл ухом.

— Добровольно.

Ниран глотнул из кружки. Кадык дёрнулся под короткой шерстью — у гепардов-самцов он был так же заметен, как у людей. Эволюция не экономит на голосе.

— Не могу себе этого представить. Точнее, не могу представить себя там, среди красной пыли безжизненной пустыни. Ты же навсегда заточаешь себя в коробку из тонкого металла — единственного, что защищает тебя от смертоносного ветра Гар-Аша. Какая там толщина обшивки? Пара сантиметров? Что ты там забыл?.. — Ниран покачал головой.

— Работу. Там нужны такие, как я. Возможно, больше, чем здесь. Там нужны безопасники, а лучшего безопасника, чем полицейский, найти сложно. А я не просто полицейский. Сам знаешь, детектива просто так не дают. И ты видел, как долго я к этому шёл.

— Ты — идиот, — беззлобно сказал Ниран и уже тише добавил: — Но я могу тебя понять, здесь тебе становится тесно. Ранлам тебе жмет, как сапог... Сапог... — Ниран пробовал на вкус собственную метафору, понимая, что ей чего-то не хватает, — который начал натирать мозоль.

Орхан смотрел в черноту своего напитка. Загораживающий букет запахов трав, одинаково понятный гепарду и человеку, казалось, тонкой струйкой наполнял его сознание. Они замолчали. Каждый задумался о своём.

— Мать знает? — нарушил молчание Ниран.

— Знает. Говорит, что я бегу.

— А ты?

— Может, и бегу. Только не от чего-то. Скорее, к чему-то. Я ещё не знаю к чему. Что ж, думаю, я скоро узнаю.

Ниран допил. Отодвинул кружку. Когти царапнули стол — звук, похожий на прощание.

— Когда брифинг?

— Завтра. В девять.

— Я приду. Провожу.

Орхан поднял глаза. В горле появился маленький колючий комочек, который никак не проглотить. Он кивнул.

Они сидели молча, пока за окном не умер день. Ниран встал, положил руку на плечо Орхана — тяжелую, как и всё, что они пережили вместе.

— Не пропадай там, Гаранин. И если что — я здесь. Пиши мне хотя бы.

— Хорошо, дружище.

Ниран ушёл. Орхан остался. Допил. Расплатился. Вышел в ночной Ранлам, горевший огнями, как рождественская ёлка, которую никто не придёт наряжать.

В нагрудном кармане лежал свёрток. От матери. Она не захотела прощаться лично, оставила у порога квартиры сверток с запиской: «Откроешь, когда долетишь».

Он не открыл. Уважал её волю. Даже если не всегда понимал.

Завтра — «Ламира-7». Завтра — новая жизнь.

Орхан шёл по пустеющим улицам, и где-то глубоко внутри, под слоями выучки и привычки, таилось ожидание. Он ждал чего-то, что изменит его серые будни, а может, и его самого.

Орхан еще не знал, что это что-то будет пахнуть осенью и смотреть на него янтарём.

Глава 2. Бегущий к себе гепард

Ночную прохладу готовились пронзить первые лучи солнца, но у некоторых не было времени предаваться сладкой неге на рассвете. Хирона закончила операцию в три часа ночи. Гепард-строитель попал к ней на операционный стол за полночь — раздробленная лапа, кости в пыль, мышцы в клочья. Она собирала его по кусочкам, как мозаику, которую никто не увидит.

Хирона вышла из операционной, стянула перчатки. Они упали в утилизатор с мягким вздохом — словно последний выдох чужой боли.

Руки Хироны дрожали, но не от страха, а от усталости, которая бывает такой разной: одна — когда бежишь марафон, другая — когда чинишь чужую жизнь.

В ординаторской было пусто. Хирона села в кресло, закрыла глаза. Завтра — нет, уже сегодня — она должна быть в Центре Подготовки. Через трое суток — старт.

Она не боялась. Хирона устала бояться ещё в детстве, когда поняла, что её род — Ламира — ждёт от неё слишком много. Будь идеальной. Будь сильной. Будь той, кто продолжит династию врачей.

Она стала врачом — хорошим, иногда даже слишком, — однако продолжать династию не собиралась. Не хотела котят, как и обязательств. Не хотела, чтобы кто-то смотрел на неё и ждал, что она будет идеальной, «как и все Ламира». Эту фразу мама особенно часто повторяла в своих наставлениях, выразительно глядя на Хирону.

«Как и все Ламира».

Гар-Аша был её шансом на побег. Не от семьи — от ожиданий. Там, на мёртвой планете, она будет просто Хироной. Просто врачом. Без груза рода. Без имени, которое весит больше, чем её тело.

Она открыла глаза. В дверях стояла мать. Хирона настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила, как та вошла.

Шейла Ламира — старая, седая, с усталыми глазами, которые видели рождение и смерть тысяч пациентов. Она не должна была быть здесь в такой час. Она вообще в последнее время редко покидала родовое поместье в Горном Прайде.

— Мама? Что ты здесь делаешь?

Шейла тихо вошла, неторопливо устроилась в кресле напротив и с потаённой грустью посмотрела на дочь — как смотрят на книгу, которую больше никогда не откроют.

— Пришла посмотреть на тебя. Пока ты ещё здесь.

— Я улетаю через три дня. Ты могла бы прийти утром.

— Утром ты была бы занята. А сейчас ты устала и не можешь сбежать от меня.

Хирона усмехнулась. Мать всегда знала, когда появиться. Будто у нее был встроенный локатор, настроенный именно на биение сердца дочери.

— Я не сбегаю, мам. Я просто улетаю.

— На Камень Безмолвия. Хирона, зачем? Там даже ветер несёт смерть, и ты никогда не почувствуешь его запаха.

— Затем, что там я буду нужна. Там будет колония. Там окажутся люди и гепарды, которые будут болеть, получать травмы, рожать детей. Я — врач. Моё место там.

Шейла молчала. Молчание было тяжёлым, как одеяло в летнюю ночь. Потом она протянула руку, коснулась щеки дочери. Пальцы были такими же холодными, как и у самой Хироны — семейная особенность всех Ламира.

— Вот всегда ты была упрямой, в меня. Я не стану держать тебя — Ламира держатся за своих, но не цепями. Нам достаточно помнить и ждать.

Хирона прижалась щекой к материнской руке. Закрыла глаза. В темноте за веками горели чужие звёзды, которых она ещё не видела, но уже ощущала.

— Я вернусь, — сказала она, затем тихо добавила: — Когда-нибудь.

— Не обещай. Просто живи. И если встретишь там кого-то не бойся. Ламира умеют ждать. Но ещё они умеют любить. Так, что мир трещит.

Хирона открыла глаза. Хотела спросить — о ком она? Но мать уже встала. Тень метнулась по стене, как некое предзнаменование. Или ей только показалось?

— Мне пора. У тебя завтра трудный день. Отдыхай.

Шейла пошла к двери. У порога обернулась и медленно моргнула, как умеют делать только гепарды. В этом жесте, заменявшем человеческую улыбку, читалась грусть.

— И возьми с собой грелку. У Ламира всегда мёрзнут руки.

Дверь закрылась, и Хирона осталась наедине с мыслями, которые роились, как жужжащие пчелы.

Грелка. Она усмехнулась. Мать помнила даже такие мелочи. Мелочи, из которых состоит жизнь.

Хирона встала, подошла к окну. За стеклом спал Ранлам — огни, как раны в ночи, крыши, как спины спящих зверей, далёкие силуэты гор. Скоро всё это останется только в памяти. А память, как известно, — единственная планета, куда можно вернуться без обратного билета.

Она не знала, что ждёт её на Гар-Аша. Но где-то глубоко, под усталостью и решимостью, что-то дрогнуло. Предчувствие. Или предвкушение?

Как будто кто-то уже ждал её там, в красной пыли.

Утром — «Ламира-7». Утром — новая жизнь.

Глава 3. Химик, боящийся химии

Кейрон Рокгарра ненавидел ждать.

Он сидел в грузовом терминале космопорта уже третий час. В серой зоне, где рождаются бюрократические кошмары, где-то между складом и погрузочной платформой, застряло его оборудование. «Аркей-йара лах рокейхан-марма» — атомно-абсорбционный пламенный масс-спектрофотометр. Айларм, если по-простому, хотя Кейрон никогда не говорил «по-простому» со студентами и каждый раз с наслаждением выговаривал все десять слогов, глядя, как они мучительно пытаются их запомнить.

Автоматический хроматограф и анализатор коллоидных сред тоже были где-то там. Бюрократы из снабжения клялись, что всё будет доставлено на борт вовремя. Он не верил. Он вообще не верил людям, которые не могли отличить вибрационную защиту класса «А» от класса «С».

Такие люди, думал он, строят дома, которые рушатся. Не задумываясь подписывают приказы, которые в итоге приводят к чьей-то потере. Но спят при этом преспокойно.

— Рокгарра.

Он обернулся. Перед ним стоял начальник снабжения — пожилой человек с лицом, которое видело слишком много отчётов. В руке — планшет, в глазах — усталость.

— Ваше оборудование погружено. Контейнеры 47-А и 48-А. Маркировка соответствует. Вибрационная защита — класс «А». Я лично проверил.

Кейрон прищурился. Он ждал подвоха — это было его второй натурой. Однако, лицо начальника оставалось спокойным. Как у человека, который сделал свою работу хорошо и хочет, чтобы это заметили. Хотя бы раз в жизни.

— Хорошо, — сказал Кейрон. — Спасибо.

Начальник снабжения кивнул и ушёл, растворившись в толпе, как все, кто привык быть незаметным.

Кейрон стоял, глядя на закрытые ворота грузового шлюза. Оборудование было его жизнью. Без него он — просто гепард на мёртвой планете. С ним — учёный, способный разобрать Гар-Аша на атомы. Атомы, которые хранят историю мира. Историю, которую он желает прочесть.

Кейрон вышел из терминала на смотровую площадку. Внизу, за стеклом, лежал космопорт — огромный, гудящий, освещённый тысячами огней. Они мигали, как звёзды, только были ближе. И холоднее. Кейрон подумал, что где-то там, на стартовой площадке, стоит челнок, который отнесет его к межпланетной станции «Хан-Лам» прочь от Ханра. Прочь от дома, который, по сути, никогда им и не был.

Кейрон не боялся. Он ждал этого момента с тех пор, как подал заявку. Гар-Аша был для него вызовом. Мёртвая планета с плохо изученной геологией, с водой, запертой во льдах, и атмосферой, которая убивает за минуты. Идеальное место для того, кто хочет понять, из чего сделан мир. И кто хочет забыть, из чего сделан он сам.

Люди летели туда за мечтой. Гепарды — за свободой. Он летел за истиной. Холодной, твёрдой, измеримой. Такой, которую можно потрогать руками. Или айлармом.

Кейрон посмотрел на своё отражение в стекле. Высокий, поджарый, с тёмными отметинами на морде — наследие рода Рокгарра, что переводилось как Гремящий Камень. Его предки были шахтёрами, геологами, взрывниками. Они любили землю так, как не любит никто. Кейрон стал химиком. Первым в роду, кто работает не с киркой, а с формулами, спектрограммами и хроматическим анализом.

Отец не понял. Сказал:

«Камни нужно обрабатывать, а не смотреть на них».

Мать промолчала — она всегда молчала, когда отец говорил.

Но Кейрона в целом не интересовало их мнение, поэтому он ушёл из дома в шестнадцать, поступил в университет и с тех пор видел родителей только по праздникам. Праздникам, которые пахли чужими домами.

Он не жалел. Кейрон ваял себя сам, наслаждаясь свободой.

Утром — «Ламира-7». Утром — последние проверки, медкомиссия, брифинг. А потом — старт.

Кейрон развернулся и пошёл к выходу. В левом кармане его комбинезона лежал маленький камень — кусок доломита из месторождения, который отец дал ему при последней встрече.

«На память, — сказал он. — Чтобы не забывал, откуда ты».

Кейрон не забывал — просто не хотел помнить. Однако камень взял — отчасти на автомате, отчасти из вежливости.

Он вышел под ночное небо. Звёзды висели низко, как лампы в лаборатории. Одной из них была Гар-Аша. Красная. Холодная. Безмолвная.

Этот гепард ещё не знал, что на красной звезде его ждёт не та истина, которую он так жаждал постичь. А та, что снесёт с петель дверь, которую он так старательно заколачивал всю свою жизнь.

Но это будет потом. А пока — только звёзды, камень в кармане и оглушительная тишина вокруг.

Глава 4. Хранительница уставшая хранить

Алайя Майронин стояла у дверей родового архива и не решалась войти.

Дверь была старой, деревянной — редкая роскошь в мире пластика и металла. Она пахла временем — той невидимой нитью, что соединяет прошлое с будущим и порой оставляет боль.

Архив Майронин занимал подвальный этаж старого особняка в Горном Прайде — районе Ранлам, где было больше гепардов, чем людей. В архиве хранились записи, дневники, образцы, голограммы — всё, что накопили поколения Хранителей Памяти.

Отец Алайи, нынешний глава рода, проводил здесь больше времени, чем в жилых комнатах. Он говорил, что мёртвые — лучшие собеседники. Они не перебивают. И не уходят.

Алайя пришла попрощаться. И забрать кое-что.

Дверь открылась бесшумно. Внутри было темно, пахло старой бумагой, пластиком и ещё чем-то неуловимым. Может, самой историей. Или это просто запах плесени?

Отец сидел за длинным столом, разглядывал выложенные в ряд голографические снимки. Они мерцали, как воспоминания, которые вот-вот исчезнут.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал отец, не оборачиваясь. Голос был сухим, как песок.

Он наконец повернулся. Мархан Майронин был высоким мужчиной сухого телосложения, с седыми висками и глазами, которые видели слишком много. Они всегда смотрели вдаль, будто в самую глубину времени. Глаза Майронин — Хранителей Памяти. Глаза, которые никогда не закрываются до конца.

— Ты уверена в своем решении? Гар-Аша — это не просто другая планета. Это место, где нет ничего. Даже памяти.

— А здесь ты ошибаешься. Там есть память, но другая, более древняя. Память о том, как Гар-Аша вообще появился... — Алайя замолчала на секунду и уже тише добавила: — Именно поэтому я и лечу.

Мархан долго смотрел на неё. Потом встал — медленно, как будто каждое движение отдавалось эхом в его старых костях. Подошёл к стеллажу, достал небольшой герметичный контейнер.

— Это копии архивов «Ковчега». Фаза 1, 2 и 3. И... дневники прадеда по Фазе 4. То, что было до инцидента. Я не знаю, пригодится ли тебе это. Но ты — Майронин. Ты имеешь право знать.

Алайя взяла контейнер. Он был тяжёлым — не физически, а как-то иначе. Будто внутри контейнера спали чужие судьбы.

— Пап, — сказала она. — Что случилось на Фазе 4?

Мархан отвёл взгляд. Посмотрел в окно, за которым спал Ранлам. Или притворялся, что спит.

— Я не знаю. Правда, не знаю. Твой прадед оставил дневники по Фазе 4, но зашифровал их, поэтому я понятия не имею, что там, — соврал он, его голос на секунду дрогнул: — И, наверное, не хочу знать.

— Почему?

— Потому что есть вещи, которые лучше не знать. Даже Майронин.

Он обнял её — неловко, как всегда. Как будто боялся сломать. Алайя прижалась к нему, вдохнула запах старой бумаги и отцовского одеколona. Запах дома, который она покидала.

— Будь осторожна, дочка. И помни: ты — Майронин. Ты — Хранительница Памяти. Даже если захочешь забыть — не сможешь.

— Я знаю, пап.

Она вышла из архива с контейнером в руках. Завтра — «Ламира-7». Завтра — новая жизнь.

Но где-то глубоко внутри, под решимостью и жаждой открытий, затаилась и тревога. Маленькая, как мышь в подвале. Что-то ждало её на Гар-Аша. Что-то, связанное с прошлым её рода.

Алайя не знала, что именно. Но эта, казалось бы, хрупкая девушка была Майронин. А Майронин всегда узнают правду.

Глава 5. Город, где даже грезам нужна медкомиссия

Центр Подготовки Космонавтов «Ламира-7» стоял в экваториальной зоне, где жара плавила бетон, а воздух дрожал над взлётными полосами.

Орхан вышел из челнока — и пот сразу же выступил на его коже. Он отвык от такой жары — в Ранлам климат был мягче. Но Ранлам уже не был его домом. А этот Центр — ещё не стал им.

Он теперь ни к чему не принадлежал. Ничей. Только серое пространство между прошлым и будущим, где все носят одинаковые комбинезоны и лелеют одинаковые надежды. Только название «Ламира-7» указывало на то, кто на самом деле здесь хозяин.

Территория Центра была огромной. Жилые модули — белые зубы бетонных однотипных домов, вгрызшиеся в асфальт дорог. Тренировочные полигоны, где люди и гепарды учились справляться с различиями друг друга на совершенно ином, чем учат в школе, уровне. Медицинский сектор — самый чистый, самый холодный. Грузовые терминалы, в которых ящики с оборудованием ждали своей очереди.

Повсюду сновали люди и гепарды. Кто-то в штатском, кто-то уже в форме колонистов. Форма была синей, темнее неба Ханра — их родной планеты, которую они вот-вот собирались покинуть.

Орхан нашёл свой сектор, отметил у администратора — гепарда с усталыми глазами. Она посмотрела на него, как на чемодан перед рейсом: быстро, функционально, без надежды на интересную беседу. Орхан получил ключ-карту от временной каюты.

Стандартная обстановка: койка, стол, экран, санузел. Всё, что нужно человеку, чтобы не умереть. И ничего, чтобы жить.

Орхан бросил сумку на пол. Она упала с мягким стуком — как тело, которое перестало бороться. Сел на койку. Достал планшет. Открыл расписание.

Завтра в девять — общий брифинг. Сегодня — медосмотр, оформление документов и, может быть, свободное время. Свободное время. Смешные слова. Время не бывает свободным. Оно всегда привязано к чему-то. К ожиданию. К страху. К надежде.

Орхан прошёл медосмотр быстро — здоровье у него было отменным. Годы службы в патруле закалили тело, как огонь закаляет сталь. Врач, пожилая гепардиха, молча поставила отметку и махнула рукой: «Свободен». Жест был похож на изгнание. Или на благословение. В любом случае, и то и другое означало одно: иди.

В коридоре он столкнулся с Нираном.

— Ты откуда здесь? — удивился Орхан.

— Приехал проводить, я же обещал тебе, — сказал Ниран. — Ну и заодно решил посмотреть, кого набрали в этот раз.

— И как?

— Разные. Есть толковые, есть всякие. Пойдём, покажу тут одно место.

Ниран привёл его в бар на территории Центра. Маленький, тихий, с отдельными кабинками — как исповедальни. Только вместо бога — алкоголь. Они сели, заказали по кружке хан-рока.

— Ну, рассказывай, — сказал Ниран. — Как прошёл первый день?

— Нормально. Могло быть хуже. По крайней мере, никто не пристаёт с расспросами, — Орхан ехидно усмехнулся.

— Хорошо, что есть тот, кому ты не сможешь запретить этого делать, — парировал колкость Ниран.

— А что, если смогу, как тогда, например, лет пять назад, ты ещё тогда потом в молчанку со мной играл, помнишь? — лицо детектива немного смягчилось.

Ниран сухо хмыкнул — будто песок проскрипел в пустыне. Бывшие напарники пили молча, каждый размышлял о своём. Потом Орхан спросил:

— Ты как? Вроде жаловался на спину?

— Ноет. Но жить буду. Учю молодых в Академии. Скучно.

— Тебе скучно? Никогда не поверю.

Ниран усмехнулся. Усмешка вышла кривой, как и шрам на его ухе. Но ничего не ответил.

Они посидели ещё час. Возможно, последний час, который они могли провести друг с другом. Потом они разошлись — молча, напоследок встретившись взглядами.

Завтра у обоих был ранний подъём.

У Орхана — в новую жизнь. У Нирана — в старую.

Глава 6. Две кружки, один взгляд

Подъем в семь утра был для Орхана не самым простым — вчерашний хан-рок давал о себе знать. Однако он собрал себя воедино и отправился в столовую. Пустой желудок отчаянно жаждал топлива, а день предстоял насыщенный.

Общий зал наполовину пустовал — многие ещё не прибыли или завтракали в своих секторах, в гордом одиночестве. Орхан взял синтезированное рагу и чай и сел за свободный столик у стены. Запах рагу отдаленно напоминал нечто, что раньше было мясом. А может, и не было. Какая разница? Главное, что сытно.

Орхан заметил её сразу — он привык отмечать всё, что выбивалось из общей картины. Она не шла, а плыла. Мышцы под короткой, блестящей шерстью перекачивались мощно и плавно, выдавая огромную, но дремлющую силу. Хвост — совершенный, живой балансир — скользил в воздухе, рисуя невидимые узоры в завораживающем танце. Её шерсть отливала золотом под тусклыми лампами столовой. Янтарные глаза обвели столовую спокойным и чуть отстранённым взглядом — так, как хирург осматривает рабочее место перед операцией.

Орхану вдруг безумно захотелось, чтобы этот взгляд остановился на нём. Так сильно, что он сам себе удивился. В ней не было ничего показного, никакого кокетства. На ней был простой медицинский комбинезон, тщательно выглаженный и сиявший первозданной чистотой. Но он не мог отвести от неё глаз.

Орхан осознал, что в открытую пялится, и заставил себя уткнуться взглядом в чай. Но в голове уже горела, как сигнальная лампа, одна мысль: «Боже, какая красивая».

Хирона огляделась, её глаза остановились на свободном месте за столиком Орхана. Она так же неторопливо и грациозно подошла и, взявшись за спинку стула, спросила:

— Здесь занято?

— Нет, — Орхан пытался просверлить взглядом дырку в чайной кружке, но получалось не очень.

Гепардиха поставила поднос с бульоном и вяленным мясом на стол, отодвинула стул и села. На секунду Орхан почувствовал едва уловимый запах осеннего ветерка, который бывает только в Горном Прайде, — сухого, но такого тёплого. Но этот запах быстро задавил другой — синтетический и неестественный, что исходил от рагу из его тарелки.

Орхан собрался с мыслями и вернулся к еде. Они молчали, но он то и дело бросал на Хирону взгляд исподтишка. Орхан заметил, что она ест аккуратно и машинально — будто еда была не удовольствием, а обязанностью. Гепардиха словно привыкла к коротким перерывам между сменами, между операциями, между жизнями. Нашивка на рукаве — Ламира. Старый врачебный род. Имена, которые весят больше, чем тела. Весь Центр, по сути, — одно большое предприятие этого рода.

Хирона заметила его нашивку — Гаранин, безопасность. Она посмотрела на него оценивающим взглядом, неторопливо подмечая детали. Плотного телосложения, но ни одного лишнего грамма — как и всех людей, что сделали из своего тела инструмент. На лице Орхана она заметила небольшой шрам над бровью — явно от ножа или чего-то острого.

«Интересно, он всегда такой хмурый?» — пронеслось у Хироны в голове.

Они доели почти одновременно. Она встала, взяла поднос.

— Хорошего дня.

— Взаимно.

Хирона ушла. Орхан допил чай, небрежно бросил салфетку на поднос и сдал его на мойку.

День прошел за оформлением документов и проверкой снаряжения. Тысячи бумажек. Сотни подписей. Десятки минут, которые складывались в часы, а те — в день, напоминавший марафон.

Но что-то изменилось. Что-то маленькое, почти незаметное. Как трещина в стене. Как росток, пробивающийся через твердь асфальта.

Он не знал её имени. Но уже знал, что она любит бульон. И что у неё холодные руки. Орхан ещё не касался их, но почему-то знал. Как знают о приближении дождя по боли в старых костях.

Глава 7. Взгляд Ареса во мгле

Орхан лежал на койке и просматривал на планшете технические характеристики Купола на Гар-Аша. Объёмы воздуха. Резервные системы. Протоколы эвакуации. Он знал эти данные наизусть — за последние недели перечитал всё, что нашёл. Гар-Аша изучили вдоль и поперёк ещё до того, как первый человек ступил на его поверхность. Автоматические зонды, орбитальные станции, планетоходы — в основу миссии легли столетия исследований. Но одно дело — данные на экране. Другое — стоять на красной равнине под чужим небом. Орхан понимал это умом, но пока не мог до конца прочувствовать. Вообще, чувства — это плохой союзник в его работе. Да и в любой другой. Орхан выключил планшет и закрыл глаза. Сон не шёл. Завтра его ждал брифинг, затем погрузка, потом старт. Билет в один конец. Все, кто собрался в этом Центре, знали: обратного рейса не будет. Гар-Аша станет их домом, а, может быть, и могилой. Орхан не боялся смерти. Он боялся не справиться. ---

Хирона в своей каюте проверяла список медикаментов, загруженных на борт. Всё было в порядке, но она всё равно перепроверила. Привычка. Как опытный врач Хирона понимала, что на Гар-Аша каждая ампула, каждый бинт будут на вес золота. Медицинский груз — это жизни. И её тоже в случае, если что-то пойдёт не так. «Когда пойдёт не так», — мысленно поправила она себя. Такая сложная миссия не может пройти полностью по плану. Хирона выключила планшет, расчесала шерсть и откинулась на койку. Однако прожитый день не собирался так быстро отпускать её в объятия Морфея. А завтра состоится брифинг. Потом — старт. Хирона летела не за мечтой. Она летела туда, где сможет принести пользу. Это всё, что имело значение. Но где-то в углу сознания скреблась, как мышь за плинтусом, мысль: а что, если на Гар-Аша её ждёт не только работа? Что, если там будет он? Человек с карими глазами, который посмотрел на неё не как на врача, на одну из Ламира, а как на женщину. Хирона устала постоянно ловить на себе взгляды в медицинском корпусе. Всех интересовала нашивка, которую она хотела бы спрятать. Однако этот безопасник лишь мельком пробежался по её нашивке глазами и не лез с расспросами, что немного удивило. Может, не только это её зацепило? Хирона пыталась прогнать эту мысль, но она всплывала вновь и вновь. ---

Кейрон сидел в своей каюте и просматривал геологические карты Гар-Аша. Данных было много — столетия зондов и орбитальных станций собрали подробную картину. Минеральный состав, подповерхностные воды, тектоническая активность. Он знал, где будет брать первые пробы, какие анализы запустит в первую очередь. Кейрон выключил планшет, лёг. Утром — брифинг. Потом — старт. Он ждал этого годами. Но теперь, когда ждать осталось всего ничего, Кейрон вдруг почувствовал странную пустоту. Как будто цель, к которой он шёл всю жизнь, оказалась только дверью. А за ней — темнота. И неизвестность. Гепард закрыл глаза. В кармане лежал камень. Он покрутил его в руке, как монету. Камень был холодным. Как и всё, что он любил. ---

Алайя засиделась в лаборатории допоздна.

Она разбирала дневники прадеда — те самые, зашифрованные. Строки плыли перед глазами, но взгляду совсем не за что было зацепиться. Она видела только хаотичный набор символов без единого зерна смысла. Но девушка знала: ключ где-то рядом. Чувствовала, хотя пока что не могла ухватить.

Когда Алайя наконец вернулась в каюту, сил хватило только на то, чтобы снять халат и лечь. Она знала: на Гар-Аша её ждёт работа, ради которой она и согласилась лететь. Поиск жизни. Не в прошлом — в будущем. В том, что можно вырастить, адаптировать, создать.

Девушка закрыла глаза. Утром — брифинг. Потом — старт.

Перед самым сном ей послышался голос прадеда. Старый, усталый, прощающийся.

«Исправьте мою ошибку», — сказал он. Или не сказал. Может, это просто шум вентиляции?

Алайя уснула. И во сне она видела красные равнины.

Глава 8. Звезды порой ближе, чем кажутся

Конференц-зал был полон.

Двести человек — людей и гепардов — сидели в креслах-трансформерах лицами к сцене. Воздух был спёртым, как в банке, которую забыли открыть. Стоял шум: голоса, шорох комбинезонов, цоканье когтей по пластику. Звуки, которые скоро заменят вой пылевых бурь и тишину, от которой закладывает уши.

Орхан сидел в третьем ряду, у прохода. Слева от него дремал пожилой гепард-инженер, тихо урча во сне. Урчание напоминало мотор старой машины — неровное, но успокаивающее. Мужчина не возражал. В конце концов, урчание гепарда — это единственная колыбельная, которую не стыдно слушать взрослому мужчине.

Справа от него оставалось свободное кресло. Орхану не нравилось сидеть у прохода, однако он хотел посмотреть на проходящих мимо.

Хирона вошла, когда свободных мест почти не осталось. Она задержалась в медблоке, чтобы сделать последние уточнения по грузу. Последние подписи, последние секунды перед тем, как её жизнь перестанет ей принадлежать.

Она пробежала глазами по рядам. Третий ряд, справа от человека в форме безопасности. Того самого. Из столовой. Гаранин.

Хирона подошла.

— Здесь свободно?

Орхан поднял глаза и невольно дёрнулся, как от электрического разряда. Он совсем не ожидал увидеть её снова. Во всяком случае, так скоро. В её янтарных глазах, казалось, можно было утонуть.

— Свободно. — Орхан поспешно отвёл взгляд.

Она села, поправив комбинезон, и изо всех сил старалась не показывать, что её тянет к этому человеку, как железо к магниту. Он в свою очередь делал вид, что занят изучением стены.

Они не разговаривали. Слова были лишними. Слова только мешали слышать.

На сцену вышел Руководитель Миссии — сухой, энергичный человек с коротким седым ёжиком. Его лицо выглядело так, будто он никогда не улыбался и не плакал. Только подписывал приказы. И провожал людей на смерть.

Он вошёл без приветствий. Чеканя шаг подошёл к кафедре и разложил на ней бумаги, испещрённые мелким текстом, подчеркнутым в некоторых местах. Мужчина обвёл глазами первую страницу, выскивая необходимую информацию, только после этого нарушил тишину:

— Колонисты. Через двадцать часов мы грузимся на челнок. Сейчас — последний общий инструктаж. Правила карантина. Протоколы связи. Аварийные коды. Слушайте внимательно, ведь от этого, без преувеличения, зависят ваши жизни .

Зал затих. Даже урчащий гепард проснулся и вытянул шею. Руководитель включил голографический экран. Говорил сухо, чётко, без эмоций — как будто читал инструкцию к стиральной машине. Вот только стиральная машина не умирает при разгерметизации.

Сорок минут. Сорок минут цифр, аббревиатур, протоколов. Сорок минут, за которые двести человек поняли, что они ничего не поняли. Но кивали. Потому что кивать легче, чем признаться в страхе.

Руководитель закончил. Сделал паузу. Обвёл зал взглядом.

— И последнее. Посмотрите на того, кто сидит рядом с вами. Слева или справа — не важно. Посмотрите ему в глаза. Запомните его лицо, его нашивку. Потому что на Гар-Аша, когда связь с Центром прервётся из-за пылевой бури, когда сломается автоматика и все пойдет

не так, рядом будет именно он. Не я. Не Совет Директоров. А вот он. Или она. Запомните друг друга.

В зале повисла тишина. Тишина, в которой можно было услышать, как бьются сердца. Двести сердец. Двести страхов. Двести надежд.

Колонисты начали поворачиваться друг к другу. Орхан повернул голову вправо, Хирона одновременно с ним повернула голову влево. Их глаза встретились.

Его — карие, спокойные, с морщинками в уголках — следами смеха, которого было так мало. Её — янтарные, пронзительные — глаза хищницы, которая давно забыла, что такое охота.

Они смотрели друг на друга. Никто не произнёс ни слова. Слова были не нужны. Глаза говорили всё.

«Боюсь».

«Я знаю. Я тоже».

— А теперь возьмите планшеты, — продолжил Руководитель. — Они в подлокотниках ваших кресел. Откройте раздел «Аварийная разгерметизация». Ваш сосед — ваш партнёр по тренировке. Отрабатываете надевание шлема друг на друга. Отнеситесь к тренировке серьезно — это гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Приступайте.

Зал наполнился движением. Орхан и Хирона одновременно потянулись к подлокотнику между ними. Там, в углублении, лежал один планшет. Второго не было.

Их руки встретились.

Его пальцы легли на тыльную сторону её руки.

Он почувствовал тепло. Шерсть — короткая, плотная, как замша. Под ней — стальные мышцы. И холод. Не физический — внутренний. Холод, который она носила в себе с детства.

Она почувствовала тяжесть его ладони — широкой, горячей, сухой. Рука человека, который держал оружие. И который умел держать не только его.

Они замерли. На секунду. На две. На время, которого хватило бы, чтобы родиться или умереть звёздам.

— Это, видимо, кто-то ошибся, — сказал он. — Один планшет на двоих.

— Вижу, — ответила она. — Может, забыли положить в спешке?

— Можно попросить, чтобы дали еще один.

— Можно. Но мне это кажется лишним.

Повисло неловкое молчание, однако, Хирона не убирала руку, он тоже не спешил.

— Тогда предлагаю делить этот. По очереди, — сказал он. — Сначала вы, потом я.

— Сначала вы. Я запоминаю быстрее.

Она медленно вытянула руку из-под его. Кончики когтей на долю секунды коснулись его запястья. Легко, почти невесомо. Как обещание. Или как угроза?

Хирона взяла планшет, открыла нужный раздел. Орхан следил за ее когтем, которым она осторожно водила по экрану, показывая схему шлема. Она говорила чётко, по делу, без лишних слов. Врачебная привычка — не тратить время на то, что не спасает жизни.

Тренировка заняла пятнадцать минут. Они надевали друг на друга шлемы и снимали, отрабатывая протокол. Касались друг друга. Шерсть, кожа, пластик, металл. Чужое дыхание на щеке. Чужой страх, замаскированный под спокойствие.

По окончании тренировки, Хирона сдала планшет техникам.

— Спасибо за тренировку, Гаранин.

— Взаимно, Ламира.

Она пошла к выходу, не оглядываясь. Он прислонился спиной к холодной стене, провожая её взглядом. Через минуту тоже отправился на выход.

Брифинг и подготовка закончились. Колонисты потянулись к выходам, как ручейки, которые вот-вот впадут в большую реку. Или в никуда.

Орхан вышел в коридор, но не пошёл к себе. Вместо этого он завернул в техническую нишу у лестницы, где никого не было. Прислонился спиной к стене. Закрыв глаза.

Перед глазами стояла она.

Ламира. Хирона. Её янтарные глаза, голос с лёгкой хрипотцой. На этот раз он отчетливо разобрал сквозь резкий запах антисептика аромат осеннего дождя. Её рука — тёплая, несмотря на холодные подушечки. Он до сих пор чувствовал текстуру её шерсти на своей ладони.

Орхан не понимал, что с ним происходит. Просто встреча. Просто касание. Такое случается каждый день — в транспорте, в очереди, на тренировках. Ничего особенного.

Но почему тогда его сердце колотится, как после погони? Почему в горле стоит комок, который не проглотить? Почему он боится открыть глаза, боится не увидеть её?

Орхан открыл глаза. Посмотрел на правую руку. Сжал пальцы в кулак, разжал. Провёл ладонью по лицу — грубой, горячей, пустой.

— Соберись, Гаранин, — сказал он вслух. — Ты на работе.

И двинулся в свою каюту, преследуемый образом янтарных глаз и запахом осеннего дождя. ---

Хирона вышла из зала и сразу направилась в медблок. Не из-за каких-то срочных дел — они подождут. Просто нужно было куда-то идти. Что-то делать. Не сидеть в каюте и не смотреть в потолок, где нет звёзд.

В медблоке было пусто. Хирона села за свой временный стол, включила планшет, открыла список медикаментов. Смотрела на строчки и не видела ни одной.

Перед глазами стоял он.

Гаранин. Орхан. Его карие глаза — спокойные, как земля после дождя. Его рука на её — тёплая, тяжёлая, но не давящая. Она отчетливо чувствовала исходившие от неё запахи металла и дерева. Это успокаивало. Орхан не сжимал, не пытался удержать. Его рука просто легла на её руку. Словно так и должно быть.

Рука непроизвольно дёрнулась, Хирона задумчиво посмотрела на неё. Подушечки всё ещё помнили тепло его пальцев.

— Хирона, — сказала она себе. — Ты врач. Ты летишь на Гар-Аша работать. У тебя нет времени на глупости.

Она выключила планшет, встала, пошла в каюту. Легла. Закрывает глаза.

Но сон не шёл.

Она думала о том, что у него тёплые руки. И что он не спросил, почему у неё холодные руки. Просто принял. Как данность.

Как будто она не была Ламира. Как будто она была просто Хироной.

Глава 9. О чём поют сопла ракет?

Посадка на челнок началась в пять утра.

Тьма за окнами была густой, как вываренная до угля карамель. В очередь у шлюза выстроились колонисты: люди и гепарды в синих комбинезонах и с личными вещами в герметичных сумках. Гермосумки пахли резиной и пластиком — дыханием чужих планет, на которые их никто не звал.

Орхан стоял в середине очереди, но его мысли были далеки от списка груза или протоколов. Он думал о плане рассадки. Орхан еще вчера выяснил, где сидит Хирона Ламира. Пятый ряд, место четыре. Рядом с ней, под номером пять, значилось свободное сидение, зарезервированное для медперсонала, но кто-то из врачей перевёлся в другой челнок.

Гаранин подал запрос на смену места. Указал причину: «Необходимость оперативного взаимодействия с медицинской службой». Формально — правда. По сути — ложь. Самая сладкая из всех, что он когда-либо произносил.

Он прошёл по тёмному и узкому коридору в челнок. Внутри тускло горели лампы — экономия энергии, экономия света... экономия надежды. Едва различая очертания кресел, Орхан пробрался к пятому ряду.

Хирона уже сидела на четвёртом месте. Проверяла ремни, настраивала сидение. Движения выверенные, отточенные — хирург, который готовится к операции, где пациент — вся её жизнь.

На секунду или две у Орхана перехватило дыхание, когда он заметил её профиль в полумраке. Но детектив быстро взял себя в руки, отбросив эмоции.

Она подняла голову и встретилась с ним взглядом. В янтарных глазах мелькнуло узнавание. И что-то ещё — может, удивление, страх или то, чему пока нет названия.

— Гаранин. Ты в этом ряду?

— Перевели, — соврал он. — Для координации с медиками.

Хирона чуть прищурилась: между ресницами возникла узкая щель, словно трещина в старой стене, скрывающей загадку. Но ничего не ответила. Орхан сел справа, начал подгонять ремни — тугие, как объятъя, от которых невозможно освободиться.

Двигатели взревели.

Челнок словно стальной зверь, проснувшийся после долгой спячки, объявил о своём пробуждении оглушительным рокотом инверсных струй. Перегрузка вдавила в кресла. Орхан дышал коротко, экономно — каждый вдох был на вес золота.

Первая ступень отделилась, на мгновение освободив тела колонистов, но лишь для того, чтобы передать их плавно нарастающему давлению от второй ступени. Всё вокруг тряслось, металл обшивки выл, будто пытался сбежать или исчезнуть, а уши заложило от нестерпимой какофонии.

Металл пел. О том, что ему больше не нужна земная твердь. О том, что все они умрут. Что умирать не страшно, страшно — не родиться заново.

— Внимание, экипаж, — прозвучал голос пилота. — Наблюдаем избыточную прецессию по тангажу. Корректируем. Возможна вибрация.

Челнок затрясло мелко и противно, как в лихорадке, от чего внутренние панели задрезжали. Кто-то вскрикнул — коротко, как выстрел.

Орхан повернул голову влево.

Хирона вжалась в кресло. Зрачки были расширены — два чёрных озера, в которых утонул весь свет. Когти вонзились в обивку подлокотника — ткань порвалась с сухим треском. Хирона сжимала челюсти так, что под короткой шерстью проступили напряженные желваки.

Она впала в панику. Не как человек — как гепард. Тело кричало: «Беги!». Но бежать было некуда. Только не в этом железном гробу, что мчался к звёздам, не спрашивая разрешения.

Орхан не размышлял. Он положил правую руку поверх её левой, укрыв теплом, в котором Хирона нуждалась, как в якорю, что удержит её посреди хаоса происходящего.

Она вздрогнула. Повернула голову. Их глаза встретились.

В полумраке, под вой сирены и тряску металла, они смотрели друг на друга. Орхан молчал, слова были ни к чему. Но его глаза говорили: «Я здесь. Ты не одна. Это просто железо. И оно выдержит».

Она смотрела в его карие глаза и видела там не страх, не панику, а что-то устойчивое, надёжное. Как камень. Как земля под ногами, что осталась далеко внизу.

Хирона прижалась к его плечу. Не как любовница — как насмерть перепуганное существо, ищущее опоры. Уткнулась носом в ткань его комбинезона. Вдохнула запах — дерево, металл и что-то ещё, живое. Его запах. Запах человека, который не бросит.

Орхан обнял её левой рукой. Неуклюже из-за ремней, но крепко. Прижал к себе. Уткнулся подбородком в её макушку между ушами. Почувствовал, какая она тёплая, живая. Его. Она пахла лекарствами и антисептиком, но сквозь этот запах пробивался, как солнце на пасмурном небе, другой. Это был запах осени, которую он так любил.

Челнок трясло ещё двадцать две секунды.

Двадцать две секунды, за которые можно прожить целую жизнь. Или умереть. Они сидели, прижавшись друг к другу, и не замечали ничего вокруг. Ни криков, ни вибрации, ни вой сирены. Только тепло. Только дыхание. Только стук двух сердец — один на двоих.

Тряска стихла так же внезапно, как и началась.

— Прецессия устранена, — объявил голос пилота. — Двигатели в норме. Курс стабилен. До выхода на орбиту — двенадцать минут.

Орхан не разжимал объятий. Хирона не отстранялась.

Прошло полминуты. Полминуты, за которые в груди затеплилась надежда.

Она отстранилась первой. Медленно, нехотя оторвала морду от его плеча. Посмотрела на свою руку, которую он всё ещё накрывал своей. На когти, прорвавшие обивку. На свои пальцы, переплетённые с его.

— Ты — начала она хриплым, как после долгого молчания, голосом.

— Я, — сказал он. — Всё хорошо. Ты справилась.

Хирона медленно моргнула — как это делают гепарды вместо улыбки. Но в её глазах читалась растерянность, смешанная с благодарностью. И что-то ещё — то, что Хирона пока не решалась называть.

— Спасибо, — сказала она. — Я не ожидала, что меня так накроет.

— Да всех накрыло, ты хорошо держалась... А я... Просто был рядом.

Хирона выпрямилась, поправила ремни. Он убрал руку. Они сидели молча, глядя перед собой.

Челнок выходил на орбиту. Впереди стыковка, месяцы полёта, Гар-Аша.

Но что-то уже изменилось. Невидимое, невысказанное. Но настоящее. Как трещина во вселенной, через которую просачивается свет.

Глава 10. Точка опоры не там, где ты ищешь

Челнок вышел на низкую опорную орбиту, и маршевые двигатели стихли. Наступил самый длительный этап — фазирование. Крошечный челнок, едва заметный на фоне исполинского сине-белого шара Ханра, мчался вслед за громадой «Хан-Лам», что беззвучно скользила на сотни километров выше и впереди. Это был космический балет, первым актом которого стало ожидание.

Перегрузка отпустила — и тела стали невесомыми. Ремни удерживали колонистов в креслах, не давая уплыть к потолку. Эти жёсткие полосы ткани стали последней связью с земной твердью, оставшейся позади. По отсеку прокатились первые смешки — восторженные, как у детей, которые впервые увидели море. Кто-то из колонистов с удивлением охнул, увидев, как его планшет медленно вращается в воздухе, словно космический аппарат, потерявший связь с центром управления.

Голос командира экипажа — подчёркнуто спокойный, словно у отца, что укладывал детей спать перед концом света, — раздался в динамиках:

— Уважаемые колонисты, мы на низкой орбите. До следующего манёвра сорок пять минут. Ремни можете отстегнуть. Просьба перемещаться осторожно, держась за поручни. Приятного полёта.

Орхан отстегнул замок. Его тело тут же поплыло в сторону условного верха, удерживаемое только рукой, вцепившейся в подлокотник. Он неловко дёрнулся, тщетно пытаясь поймать равновесие. Но в пустоте не существовало равновесия. Оно — лишь иллюзия, рождённая землей под ногами.

Хирона фыркнула. Коротко, отрывисто, рокошуще. Орхан слышал смех Нирана сотни раз, но этот звук чем-то отличался. Тем, что исходил от неё. И от этого привычный смешок гепарда зазвучал по-новому.

— Ты похож на котёнка, который впервые увидел воду. — Хирона наблюдала за его неуклюжими попытками найти точку опоры.

— Я похож на офицера безопасности, который привык, что пол — внизу, — ответил он. — Пол я вижу, а вот с низом проблема.

— А низа больше и нет. Привыкай, Гаранин.

Она отстегнула свой замок. Её тело тоже поплыло, но более плавно и контролируемо. Гепарды рождены для движения — даже здесь, в пустоте, где нет ни ветра, ни земли, их тела помнили грацию предков.

Хирона ухватила рукой за поручень над головой, подтянулась, зависнув вертикально. Её хвост раскачивался, будто маятник, отсчитывающий секунды до чего-то значимого.

Орхан смотрел на неё. В невесомости Хирона казалась ещё более грациозной. Комбинезон обтягивал тело, шерсть чуть топорщилась от статики.

— Что? — спросила она. — У меня шерсть дыбом?

— Нет. Просто смотрю.

Она чуть развернула уши — удивилась. Но ничего не сказала. Только посмотрела на него — дольше, чем следовало.

— Помочь? — спросил он. — С перемещением.

— Я справлюсь.

— Я не сомневаюсь. Но вдвоём проще.

Она посмотрела на его протянутую руку. На лицо — спокойное, без тени насмешки или снисхождения. Лицо человека, который не боится выглядеть глупо. Не боится вообще ничего. Кроме одного — одиночества.

— Хорошо, — сказала она. — Идём.

Хирона взяла его руку. Их пальцы — человека и гепарда — сплелись. Оба разные, но одинаково живые. Она оттолкнулась от поручня, и они поплыли по проходу. Неуклюже, но вместе.

В кормовом отсеке народу было меньше. Здесь находился обзорный купол — большое полусферическое окно в потолке, через которое сияли звёзды. Орхан и Хирона зависли под ним, завороченно наблюдая за космосом.

Всё заполнили звёзды. Миллиарды маленьких огней, которые горели и умирали, пока они смотрели. Им было всё равно. Звёздам всегда всё равно.

— Красиво, — сказала Хирона.

— Да. Я знал, что звёзды с орбиты выглядят иначе. Но не представлял, насколько.

Они молчали, глядя в бесконечность. Она не отвечала на вопросы — просто существовала.

— Почему ты пересел? — спросила Хирона.

Орхан ответил не сразу.

— Не знаю, — сказал он честно. — Увидел твоё имя в списке. Вспомнил тебя. Как увидел тебя ещё в столовой, тренировку после брифинга и... просто пересел.

Она повернула голову, посмотрела на него. В её янтарных глазах отражались звёзды — маленькие, далёкие, равнодушные. Но в них отражался и он.

Девушка ждала отговорки: «По службе», «Случайно». А он сказал правду. Просто и беззащитно. И от этой правды у неё затрепетало что-то в груди — там, где, как Хирона думала, уже ничего не бьётся.

— Ещё я запомнил твои холодные руки. Это очень необычно для гепардов, — добавил Орхан, отводя взгляд.

— У меня правда холодные руки, — сказала она. — Это семейное. У всех Ламира. Тебя это смущает?

— А должно?

Она не ответила. Перевела взгляд на звёзды. Но руку не отдернула.

— Ты странный, Гаранин. Люди обычно Либо не замечают, либо делают вид, что не замечают.

— Я не умею делать вид.

— Я уже поняла.

Они снова замолчали. Наступила тишина — но не напряжённая, скорее, уютная. Как будто эти двое уже давно знали друг друга, а не встретились только вчера. Как будто все эти годы они ждали этого мгновения — здесь, под звёздами, в пустоте, где верх и низ потеряли значение.

— Расскажи о себе, — попросила Хирона. — Раз уж мы летим на одну планету, где наверняка будем видеться.

— Что рассказать?

— Что хочешь. Кто ты, откуда, зачем летишь.

Орхан подумал. Вспомнил отца, который хотел, чтобы он был счастлив. Мать, которая хотела, чтобы сын стал важным. Нирана, который хотел, чтобы друг остался.

— Орхан Гаранин. Тридцать восемь лет. Офицер безопасности. Родители — люди, живут в Горном Прайде. Мать — дизайнер, отец — инженер. Я вырос в обычном квартале, учился в Академии, служил в патруле двенадцать лет. Потом подал заявку на Гар-Аша. Утвердили.

— Ого, я как анкету прочитала! Почему подал заявку?

— Устал. От Ранлам, от расследований, от людей и гепардов, которые считают себя умнее и хитрее всех, а затем сидят передо мной на допросе... От всего. Захотел начать заново. Там, где всё строится с нуля. Где нет старых ошибок.

Она внимательно слушала, не перебивая, и кивнула, когда он закончил.

— Хирона Ламира, — ответила она, подражая его манере. — Тридцать четыре года. Врач-травматолог. Родители — гепарды, старый врачебный род. Я выросла в родовом поместье, пошла в медицинский, работала в больнице. Подала заявку, потому что хотела быть просто врачом. Не «Ламира». Просто Хироной.

— Получается? — Орхан понял ее шутку, чуть улыбнулся.

— Пока не знаю. Но там, на Гар-Аша, будет понятно.

Они снова замолчали. Звёзды висели в черноте — непроницаемые и прекрасные. Как глаза женщины, которую он только начал узнавать.

— У тебя тёплые руки, — сказала она вдруг.

— А у тебя холодные, — ответил он, — поэтому мои будут весьма кстати.

Она фыркнула. Но по-прежнему держала свою руку в его.

Сорок пять минут пролетели незаметно — как одна секунда, растянутая на вечность. Они вернулись на места и пристегнулись к креслам в ожидании второго акта того космического балета, в котором они были главными действующими лицами и в то же время ничем не управляли.

Следующие три часа были наполнены сотнями ювелирно-точных включений двигателей, которые ощутимо толкали в то в спину, то вбок. Но мощное давление перегрузки, как при старте, не повторялось. Толчки сменялись минутами ожидания, которые требовались команде на расчёты и корректировку, затем продолжались снова.

Хирона нащупала руку Орхана на подлокотнике и после секундного колебания положила руку поверх его. Он замер от неожиданности, боясь спугнуть, затем медленно развернул ладонь вверх и обхватил её холодные пальцы. Орхан не поворачивал головы и слушал стук своего сердца, затаив дыхание.

Спустя три часа, которые казались вечностью, расстояние до «Хан-Лам» сократилось до пары десятков километров. Станция предстала перед колонистами во всём своём величии. Исполинские кольца вызывали благоговейный трепет, а центральная ось, ошестинившись антеннами, ждала гостей. Оставался финальный рывок, который вжал пассажиров в кресла почти с той же силой, что и при старте. Но тяжесть отпустила так же быстро, как и появилась.

В сотне метров от оси челнок замер, словно переводя дыхание. Затем медленно развернулся к станции стыковочным узлом и начал последнее, самое медленное сближение — по сантиметру в секунду, — пока порт не закрыл собой иллюминатор. Толчок, лязг замков. Механический захват подтвердился, возвещая об окончании их космического танца. Челнок, наконец, затих у сердца «Хан-Лам».

Межпланетная станция «Хан-Лам», что в переводе означает «Круг Жизни», по виду напоминала карусель, сорвавшуюся с оси и запущенную в космос. Три кольца — три круга жизни — беззвучно вращались, удерживая внутри воздух, тепло и тысячи бьющихся сердец. Вдоль спицы, усеянной антеннами и поручнями для аварийного выхода в космос, тянулись галереи невесомости — длинные коридоры для перехода экипажа, в которых царила тишина, нарушаемая только гулом вентиляции. Корабль плыл к красной звезде, и мерные вращения его колец вызывали необъяснимое чувство неотвратимости судьбы.

Из центральной оси станции колонисты спускались по лифтам в трёхконтурные кольца, где находились жилые отсеки. Такая структура — не прихоть, а точный инженерный расчёт: при разгерметизации одного из модуля повреждённый участок изолировали от остальных до устранения неисправности. Это гарантировало безостановочную жизнедеятельность всего кольца.

Орхан и Хирона расстались у развилки коридоров: ему — в пятнадцатый сектор первого контура, ей — в двадцатый, который располагался в третьем.

— Увидимся, — сказал он.

— Увидимся, Гаранин.

Она пошла по коридору в сторону своей каюты. Мужчина смотрел ей вслед, пока её спина не скрылась за поворотом. Хвост мелькнул в последний раз — и пропал.

Потом Орхан развернулся и пошёл к себе.

Впереди их ожидали месяцы полёта. В замкнутом пространстве, бок о бок с двумя сотнями других колонистов и тысячами других людей и гепардов, постоянными жителями станции. Месяцы, чтобы узнать друг друга и больше никогда не забыть.

Орхан не знал, что из этого выйдет. Но впервые за долгое время он ощутил предвкушение. Впервые за долгое время детектив хотел не просто работать. Он хотел жить.

Глава 11. Искра во мгле

Громада «Хан-Лам», вращая кольцами, неслась сквозь пустоту, на фоне которой казалась пылинкой. Кольца мерно вращались, создавая иллюзию гравитации. Первое и последнее двигались по часовой стрелке, среднее — против, для стабилизации. Оно было массивнее двух остальных, и в нём находились все основные модули гидропоники, напоминающие зеленые поля, заточённые в гигантские стальные трубы.

Время внутри станции текло как смола — медленно, но неумолимо.

Подъём в шесть, отбой в двадцать два. Три приёма пищи, два часа физических тренировок, рабочие смены, проверки систем. Жизнь в замкнутом пространстве межпланетной станции требовала дисциплины — как в тюрьме, в которую ты сам купил билет. Колонисты подчинялись расписанию, как единый организм, как стая птиц, которая летит на юг, не зная, найдёт ли там тепло.

Орхан и Хирона виделись не каждый день.

У него были свои обязанности — обходы, наблюдение, отчёты. Бумаги, которые пахли канцелярией, а не жизнью. У неё — медицинские осмотры, контроль за состоянием экипажа, подготовка к работе на Гар-Аша. Списки лекарств, которые пахли надеждой.

Но иногда их смены совпадали, и они оказывались в столовой в одно время. Или в спортзале. Или на очередной лекции. Они не договаривались. Это выходило случайно.

Кто-то невидимый словно подталкивал их друг к другу. Будто сама вселенная сошла с ума и решила стать свахой.

Сначала они просто ели вместе. Иногда молча, иногда обменивались дежурными фразами — жизнь на «Хан-Лам» вносила свои коррективы во взаимоотношения между её обитателями.

Однако со временем Хирона привыкла к нагрузке, а Орхан уже сверял отчёты почти машинально. Они всё чаще находили поводы для встреч, хотя оба старались убедить себя, что это просто случайности.

Во время ужина в столовой Хирона заметила уставшее лицо Орхана.

— По-моему, ты не выспался, Гаранин, — усмехнулась она.

— По тебе тоже не скажешь, что ты полна сил, Ламира, — профамильярничал в ответ он, улыбнувшись.

Хирона фыркнула и отвернулась, но затем снова посмотрела ему в глаза. Она уже заметила, что это её тайное оружие, — всякий раз он почему-то отводил взгляд. Что казалось Хироне очень забавным и милым. Вот и сейчас Орхан тут же отвёл взгляд и сосредоточился на своей пустой ложке, которую он только что облизал после еды. Хирона медленно моргнула, развернув уши в его сторону, её хвост предательски дёрнулся.

— Что? — Орхан заметил движение хвоста.

— Ничего... — Теперь уже был её черёд смущенно наблюдать, как капельки жира плывут по поверхности бульона. — Просто... Ты забавный, — тихо добавила она.

Щёки Орхана немного порозовели, и он вскочил:

— Схожу за чаем.

Хирона с удивлением смотрела на удаляющегося безопасника. Однако он резко остановился, будто задумался, повернулся, вернулся к столу и сел на свой стул.

— Не хочу я чай... — начал он.

Помолчав, продолжил, глядя ей в глаза:

— Во сколько ты завтра заканчиваешь?

— В восемь... — В глазах Хироны читалось искреннее удивление.

— Тогда... Может, встретимся завтра у обзорной палубы в половине девятого?

Хирона замерла от неожиданности. Её уши, чуть прижатые к макушке, дёрнулись и повернулись в сторону Орхана. Она собралась с мыслями и шутливо ответила:

— А ты будешь с цветами? — усмехнулась она, но уже серьёзней добавила, не дожидаясь ответа: — Конечно же я приду, Орхан!

Он не сразу понял, что произошло. «Она впервые назвала меня по имени!» — осознал он, и на секунду у него перехватило дыхание.

На часах ещё не было двадцати минут девятого, но Орхан уже ждал её у шлюзовой двери обзорной палубы. Хирона пришла через пять минут.

— Орхан... Ты уже здесь? — удивилась она.

— Ну не могу же я позволить, чтобы девушка ждала меня, — он выглядел смущенным.

Они сидели на обзорной палубе. Неудобные скамейки с лихвой компенсировали потрясающий вид за стеклом.

— Почему ты пошёл в безопасность? — спросила Хирона, наблюдая, как за иллюминатором проплывает удаляющаяся Ханра.

— Не знаю. Наверное, потому, что мой дед был военным. Отец не пошёл по его стопам — стал инженером. А я Всегда мечтал о порядке. Чтобы люди чувствовали себя защищённо. Поэтому столько лет проработал в полиции. Но от борьбы с преступниками я уже откровенно устал. А служба безопасности — это другое.

— Полицейский устал от полиции, — резюмировала Хирона.

— Детектив, — поправил Орхан, и, помолчав, добавил: — А ты? Почему врач?

Она улыбнулась, и её левое ухо немного повернулось в сторону. Это было едва заметно, но Орхан вырос среди гепардов, поэтому интуитивно считал этот жест.

— Потому что у меня не было выбора, — задумчиво ответила Хирона. — Ламира — врачебный род. Уже шесть поколений. Я с детства знала, что пойду в медицину. И пошла. Но Где-то по пути поняла, что это правда моё. Что я занимаюсь этим не потому, что должна. А потому, что могу. Могу помочь, когда больно. Могу сделать так, чтобы человек или гепард встал на ноги и пошёл дальше. Это Важно.

— Важно, — согласился Орхан.

Они замолчали, наслаждаясь видом и тишиной, которая уже не была такой неловкой.

— У тебя остался кто-то там, на Ханра? — Хирона нарушила молчание и посмотрела на Орхана.

— Мать, отец. Друг, он же напарник бывший, Ниран. А у тебя?

— Родители, брат. Наш род большой и шумный, ты наверняка о нас многое слышал, слухи разные... Я от родных устала, если честно. Люблю, но устала. Слишком много ожиданий.

— Конечно, я про вас слышал. Про Ламира знают все. Но, как я понял, тебе не очень нравится, когда в тебе видят сначала Ламира, а только потом... всё остальное. И знаешь, мне не важно, из какого ты рода. Для меня важнее то, что у тебя на душе.

Он помолчал секунду, повернулся к иллюминатору и выхватил взглядом одну звезду среди сотен, медленно проплывающих за кольцом «Хан-Лам». Он понимал, что двигаются не звёзды, а кольцо, но картина всё равно завораживала.

— Отец однажды сказал мне, что главное, чтобы мне нравилось то, чем я занимаюсь, а остальное уже мелочи.

— А тебе нравится?

— Нравится. Особенно теперь.

Она посмотрела на него. Он смотрел на звёзды. Но от его голоса, от того, как он сказал «теперь» у неё потеплело в груди.

Они не говорили о том, что между ними происходит. Не давали определений. Просто были рядом. И с каждым днём это «рядом» становилось всё более естественным. Как дыхание. Как сон.

Однажды Орхан принёс ей грелку. Маленькую, каталитическую. Она лежала на его ладони, как живое существо — тёплая, хоть и металлическая, в сером чехле.

— Я не всегда могу быть рядом, — сказал он, протягивая ей свёрток. — С ней тебе будет теплее.

Она взяла грелку. Посмотрела на него. В её глазах читалось не удивление, а скорее признание. Пару дней назад она пожаловалась, что сломалась грелка, подаренная мамой. И он запомнил.

— Спасибо, Орхан, я не думала, что ты вспомнишь про грелку...

— Я всё запоминаю, что касается тебя.

Она не нашлась, что ответить. Просто держала грелку — маленький кусочек металла, который согрел не только руки, но и душу.

В ту ночь она положила грелку под подушку. И впервые за долгое время не видела тревожных снов.

Ей снился запах металла и дерева.

Глава 12. Дом, которого не может быть на карте

Прошло два месяца. Стальная спица оси «Хан-Лам» по-прежнему рассекала космическую пустоту, а жизнь на станции вошла в ритм, похожий на дыхание — ровный, размеренный, почти незаметный. Постепенно забывалась жизнь на твердой поверхности, будто они всегда находились в невесомости. Будто никогда не было Ханра, Ранлам, прошлого.

Орхан и Хирона теперь почти всё свободное время проводили вместе. Они уже не договаривались о встречах — их тянуло друг к другу невидимой нитью, которая с каждым днём становилась всё короче. Они узнавали друг друга. Медленно, без спешки, слой за слоем. Как археологи, которые раскапывают древний город, — осторожно, боясь разрушить то, что нашли.

Орхан узнал, что Хирона не любит, когда её хвост трогают без предупреждения. Что она урчит во сне, если ей тепло и спокойно. Что она терпеть не может синтезированный бульон, но ест из необходимости. Что она скучает по матери, но никогда не скажет об этом первой.

Хирона узнала, что Орхан по утрам пьёт чай, а не кофе. Что он читает детективы на ночь — старые, напечатанные в бумажных книгах. Что он не умеет отдыхать — всегда находит себе дело. Что редко улыбается, но когда на его лице появляется улыбка, то в уголках глаз собираются морщинки, к которым она каждый раз хочет прикоснуться.

Хирона лежала на койке в своей каюте, вытянув задние лапы. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Говорили о пустяках — о тренировке, о том, что синтезатор пищи опять сломался, о смешном геологе из седьмого сектора.

Потом замолчали.

Тишина была уютной, наполненной. Как комната, в которой зажгли камин.

— Можно тебя спросить? — сказала она.

— Конечно.

— Что ты чувствуешь?.. Ко мне.

Орхан не удивился её прямоте. Он уже знал, что Хирона предпочитает сразу расставлять все точки над *i*, а не ходить вокруг да около. Врач, который сразу скажет диагноз.

— Не знаю, как сказать, — начал он, — Я просто хочу быть рядом. Когда ты ешь, когда работаешь, когда спишь. Когда тебе страшно — хочу, чтобы ты знала, что я здесь. Когда тебе хорошо — хочу быть частью этого. Я не думаю о том, что будет дальше. Просто знаю: я хочу быть с тобой. Сейчас. Завтра. Всегда.

Она смотрела на него. В её янтарных глазах задрожала непролитая влага.

— Я тоже, — сказала она. — Я не умею говорить красиво. Но когда тебя нет — я жду тебя. Когда ты рядом — мне спокойно. Когда ты касаешься моей руки — я чувствую, что всё правильно. Я не знаю, что это. Но я не хочу, чтобы заканчивалось.

Он встал с пола, сел на край койки. Протянул раскрытую ладонь, в которую Хирона положила свою руку. Их пальцы переплелись.

— Не закончится, — сказал Орхан. — Я здесь. Ты здесь. Мы летим на одну планету. Будем строить один дом. Всё только начинается... А ещё... Я давно хотел тебе сказать, что когда я только увидел тебя в столовой, там, на Ханра... Я утонул в твоих глазах... Они прекрасны... Ты прекрасна...

Хирона замерла на секунду, хвост легко приподнялся, но тут же опустился. Она замурлыкала, низко, утробно, и потянулась к нему. Их лица почти соприкоснулись. Он чувствовал её дыхание — тёплое, чуть сладковатое. Хирона смотрела в его глаза — карие, спокойные, родные.

Она первая коснулась носом его виска. Потёрлась.

Этот жест был древнее слов. Древнее Хартии, Лархан, самого времени. Гепарды так касаются тех, кого любят. Кому доверяют. Кто стал домом.

Орхан прикрыл глаза. Его рука легла на её загривок, пальцы погрузились в короткую шерсть. Тёплую. Живую. Его.

Время для них замерло. Они наслаждались мгновением, чувствуя, как ритм их сердец сливается в музыку, слышную только им двоим.

В ту ночь он впервые остался в её каюте. Они спали рядом — она свернулась клубком у его бока, он обнимал её, уткнувшись носом в загривок. Им было тепло, спокойно, правильно.

Утром они проснулись одновременно. Посмотрели друг на друга. И улыбнулись — каждый по-своему. Хирона — медленно моргнув. Орхан — уголками губ.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — ответила Хирона. — Есть хочу.

— Тогда нам придётся идти в столовую.

— Придётся. Только сначала Полежим так ещё минутку.

Они лежали. Минута превратилась в пять. Потом в десять.

В столовую они опоздали, и на раздаче почти ничего не осталось, но им было всё равно.

Глава 13. Пункт назначения - это не "где"

Они жили вместе уже два месяца, если «вместе» — подходящее название для состояния, когда граница между двумя существами стирается. Орхан оставил свою каюту так же незаметно, как оставляют детские привычки: сначала не можешь решиться, а потом и не помнишь, как было иначе.

Хирона проснулась среди ночи. Она не знала, отчего. Тишину нарушало уже привычное гудение вентиляции, где-то вдалеке раздавались шаги дежурного по жилому сектору. Привычная тьма — как тёплая вода. Орхан лежал рядом и немного посапывал во сне, его рука приятной тяжестью ощущалась на её боку. Тепло. Но что-то было не так, как обычно.

Она подняла голову. Просто так. Чтобы посмотреть на Орхана. Он спал. Лицо было спокойным — без той маски собранности, которую он носил днём. Разгладились морщинки у глаз, твёрдые линии. Просто мужчина. Просто человек. Просто её.

Хирона долго смотрела. На его ресницы — длинные, тёмные. На губы — чуть приоткрытые. На шрам над бровью — старый, почти белый.

А потом Орхан открыл глаза. Он не проснулся от того, что почувствовал её взгляд — а открыл глаза так, будто знал, что она смотрит. Как будто ждал.

Мир исчез. Не постепенно, не с треском — он просто стёрся, будто его никогда не было. Остались только они. Двое. Но уже не двое.

А потом началось то, чему нет названия.

Сначала — шок.

Её мысли хлынули наружу, как вода из прорванной плотины. Она не знала, что можно так много думать одновременно.

«Он смотрит. Красивые глаза. А шрам над бровью — я его ещё не целовала. Надо поцеловать. Нет, не сейчас, сейчас странно. А что он думает? Ой, я слышу его! Боже, он думает, что у меня мягкая шерсть. И что он хочет чай. И что боится. Чего он боится? Меня? Что я уйду? Глупый. Куда я уйду?»

Орхан сел на койке. Его глаза широко раскрылись, как у ребёнка, который впервые увидел снег.

— Ты — начал он вслух. — Я Это

«Я слышу тебя, — подумал он. — Не ушами. Я слышу каждую твою мысль. Ты сейчас думаешь: "Он такой растерянный, это мило". И ещё: "Надо его успокоить". И ещё: "Я хочу пить"».

— Я и правда хочу пить, — сказала она вслух и тут же рассмеялась — нервно, звонко. — Но это не важно! Ты меня слышишь! По-настоящему! Не как раньше!

«Раньше я только догадывался, — ответил он мысленно. — А теперь знаю. Ты боишься, что это пройдёт. Не бойся. Я чувствую — это навсегда».

— Откуда ты знаешь? — спросила она шёпотом. И подумала: «А вдруг он ошибается? Вдруг это просто сбой, иллюзия, побочный эффект от перегрузок?»

«Нет, — подумал он твёрдо. — Не иллюзия. Я никогда не чувствовал ничего более реального».

Она смотрела на него. Он смотрел на неё. Мысли металась — её, его, их общие — переплетались, путались, накладывались друг на друга, как голоса в многоголосом хоре.

«У неё невероятные глаза».

«У него ресницы длинные».

«Надо сказать ей что-нибудь романтическое».

«А вдруг я сейчас глупость сморожу?»

«Ты никогда не говоришь глупости».

«Это ты так думаешь, потому что любишь меня».

«А ты так думаешь, потому что любишь меня».

«Люблю».

«Люблю».

«Очень».

«Очень-очень».

— Это невозможно, — сказала она вслух, чувствуя, как кружится голова. — Мы говорим и думаем одновременно. Я не понимаю, что из этого вслух, а что про себя. Я теряюсь.

— Я тоже теряюсь, — ответил он. — Но мне это нравится.

Она подумала: «Нравится? Ему нравится этот хаос?»

«Да, — ответил он мысленно. — Потому что это наш хаос. Общий».

Хирона почувствовала странную лёгкость. Как будто кто-то снял с её плеч груз, который она носила так долго, что уже забыла о его существовании. Не нужно было подбирать слова, объяснять, бояться, что её неправильно поймут.

Эйфория пришла не сразу. Сначала — растерянность и восторг, перемешанные в странном коктейле. Но чем дольше они сидели, глядя друг на друга, тем сильнее становилось это чувство. Оно поднималось из глубины — тёплое, сладкое, как самый крепкий хан-рок, только без горечи.

Она чувствовала его радость, а он — её. Радость скапливалась в резонаторе двух сознаний, усиливалась с каждым отражением — и вдруг срывалась когерентным потоком, в котором его счастье и её были неразличимы, как волны в лазерном пучке. Ему стало хорошо оттого, что ей хорошо. Ей — оттого, что хорошо ему. И так до бесконечности.

— Это пьянит посильнее текилы, — сказал он вслух. Голос звучал пьяно — без алкоголя. Он был пьяным от неё.

— Да, — выдохнула она. — Я никогда не пробовала алкоголя. Но если он такой — я понимаю, почему люди становятся от него зависимыми.

«Я хочу ещё», — подумал он.

«Я хочу больше», — ответила она мысленно.

Они смотрели друг на друга, и мир вокруг постепенно возвращался — стены, койка, одеяло, вентиляция. Но они не замечали ничего из этого. Им было достаточно друг друга.

— Если это ненормально, — сказал Орхан, и в его голосе звучало столько счастья, сколько он никогда не впускал в свою жизнь, — то я хочу быть законченным психом. Мне это чертовски нравится.

Она засмеялась, запрокинув голову — громко, заливисто. Её смех принадлежал ей, но отдавался в Орхане, как эхо. Он засмеялся следом — сначала тихо, потом всё громче. Они смеялись, и в этом смехе не было ничего, кроме чистого, неподдельного восторга.

«Мы сошли с ума», — пронеслось у неё в голове.

— Надеюсь, — ответил он. — Потому что в здравом уме такое невозможно.

Она придвинулась к нему. Прижалась всем телом — от плеч до колен. Уткнулась носом в шею. Вдохнула его запах — и он тоже вдохнул её, но оба почувствовали их общий, потому что теперь и обоняние у них было одно на двоих.

«Я чувствую тебя», — подумал он.

«Я чувствую тебя сильнее, чем когда-либо», — ответила она.

Он обнял её. Не так, как раньше — осторожно, боясь сделать больно. А так, как обнимают часть себя. Крепко. Намертво.

— Это никогда не кончится? — спросила она в его плечо. — Эта эйфория?

— Не з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.